

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

— Сергей Павлович, Вы известный писатель, лауреат Государственной премии СССР, секретарь правления Союза писателей РСФСР и в то же время инженер, кандидат технических наук. Как помог инженер писателю, мы знаем по Вашим книгам, а чем помог писатель инженеру?

— По своей специальности инженера-мелиоратора мне не раз приходилось отстаивать природные богатства, выступать против бездумного осушения болот, затопления больших территорий суши. Был такой проект — строительство ГЭС на Нижней Оби. Проект грозил большими затоплениями. Года полтора я занимался только тем, чтобы его отклонили. Не написал за это время ни строчки. Наконец удалось задержать работы, настоять на еще одной экспертизе. Конечно, не я один занимался

считаю, что очень неплохо для писателя иметь другую специальность.

— А вообще как все началось?

— В шестнадцать лет, году в двадцать девятом тридцатом написал пьесу. Она даже шла на клубных сценах Барнаула. Пьеса о гражданской войне. Очень плохая — из-за дыма и грохота ничего не было слышно и видно. Но, к счастью, драматургом себя не считал. Кончил техникум, поработал агрономом. Учась в институте, стал сотрудничать в многотиражке. А с тридцати шестого года начал печататься в областной газете, даже в штате работал. Была тогда такая должность — очеркист-корреспондент, который как бы находился в свободном поиске, за ним оставлялось право на выбор темы. Нас, облученных таким правом, в газете было

много книг и в конечном итоге — сильной литературы.

— А кто, по Вашему мнению, пишет хорошие книги в наши дни? Я имею в виду прозу.

— Я называю известные всем имена: Распутин, Астафьев, Белов. Был Абрамов. Ну и, конечно, Айтматов. Конечно, Быков и Адамович — думаю, что о войне так, как они, не говорил никто в мировой литературе.

— А что Вы думаете о так называемом поколении сорокалетних?

— Я внимательно слежу за Крупинным, Кимом, Маканиным. По-моему, это очень способные люди. Взгляд на них в издательствах и редакциях должен быть именно таким. Если мы сейчас им не поможем, лишимся свежей струи в литературе, может быть, целой школы.

В то же время мне кажется, что в этом поколении

должен догадываться, как будет догадываться читатель.

— Сергей Павлович, когда читаете Ваши книги, поражает разнообразие — тут и Сибирь времен революции, и современный город. Даже фантастические рассказы у Вас есть...

— Думаю, это пошло от научной работы. Узнавание, исследование для меня до сих пор остается самым интересным. Но меня утомляет узнавание в одном направлении.

Вообще процесс узнавания очень интересен в литературной работе. Предмет я выбираю себе сам, ни министерство, ни Союз писателей планов на этот счет не спускают.

Допустим, я считаю, что недостаточно написано о реформе 1861 года. А там было много примечательного. Хотя бы тот факт, что крепостничество отменили сначала на окраинах Российской империи, и только потом в «метрополии»...

Вот эта свобода выбора темы и есть одна из главных причин моего прихода в литературу.

— И все же кажется, что рамки этой свободы задаются всякий раз чем-то витающим в воздухе, может быть, просто временем... Так сегодняшняя ситуация, сложившаяся в мире, вряд ли может не влиять на писателя?

— Безусловно, влияет. Мы первые люди на Земле, которые обязаны так ставить вопрос: или цивилизация убьет нас, или мы сумеем подчинить себе ее процессы. Человеческое мышление не привыкло к таким проблемам. Но ясно, что мы обязаны что-то делать. Если можно на одну миллионную процента изменить такой роковой ход событий, и этим нельзя пренебрегать. Тут каждый может опираться на свой жизненный опыт.

Последняя глава моей книги, о которой уже шла речь, целиком посвящена этой проблеме. Замышляю следующую повесть, в еще большей степени связанную с ней. Настало такое время, что, о чем бы ни писал, включаешься в это общее дело.

Например, если пишешь исторический роман, то он должен показывать, что уже пережито столько страданий, люди так долго отстаивали свое существование, что уничтожение человечества просто немисливо. Невозможно приносить новые жертвы ради того, чтобы кто-то получал свои 2000 процентов прибыли. Любые духовные ценности, если они осознаны, служат сейчас утверждению идей мира.

Думаю, литературе нужно сосредоточиться на главной мысли — откуда такая беда обрушилась на человечество. Я не придаю здесь литературе решающего значения, но по самой своей природе у нее есть обязанности перед людьми, перед самой собой. И, может быть, никогда эти обязанности не выступали с такой очевидностью, как сейчас.

Во всяком случае, знаю, что, если сейчас буду что-то писать, — обязательно под этим знаком...

— Спасибо, Сергей Павлович, за наш разговор! Думаю, что читатели «Комсомолки» будут с нетерпением ждать Ваших новых книг. И разрешите поздравить Вас от их имени с семидесятилетием, таким деятельным и плодотворным.

Беседу вел

Олег ХЛЕБНИКОВ.

Сергей Залыгин:

ПРАВО НА ВЫБОР

этим делом. Наверно, и то, что я был писателем, сыграло какую-то роль. Но более важным оказалось вот что: в этот момент на Нижней Оби открыли нефть.

Впоследствии выяснилось, что затопление стоило бы государству многие миллиарды.

— А как вообще Вы относитесь к проектам, связанным с крупномасштабными вмешательствами в природу?

— Это всегда дело необычайно рискованное. Ни один такой проект не реализуется точно по-задуманному, нельзя заранее предусмотреть всех последствий.

Есть в Сибири на территории Омской и Новосибирской областей Барабинская низменность. Это уникальное природное явление — низменность, из которой текут реки! Она сильно заболочена. До революции ее осушением занимался некто Жилинский. Он возглавлял группу из 8 инженеров и осушил за это время 350 тыс. гектаров! Впоследствии было создано Барабинское бюро, в котором работало 360 инженеров. И если Жилинский никогда не вмешивался в природные процессы, наоборот, помогал природе осуществлять ее собственные планы — засорял ручьи, очищал его, — то они взяли и прорыли каналы через каждые триста метров. В результате произошло засоление почв.

Когда осуществляется такое серьезное вмешательство в дела природы, мы не можем предугадать последствий, потому что в природе ничего подобного не было.

— Сергей Павлович, Вы коснулись проблем окружающей среды в самом широком смысле, но есть еще и среда людей, окружающая каждого и влияющая на каждого, — тем более она важна, когда речь идет о писателе...

— Надо сказать, что в литературном отношении я развивался изолированно от всякой литературной среды. Никогда не думал, что стану писателем. Жил в Омске, где не было даже своей писательской организации. Работал инженером — и ничуть сейчас об этом не жалею,

двое — Леонид Мартынов и я. Кстати, Леонид Мартынов меня долго не замечал.

— Кто первый «замечил»?

— Твардовский. Я послал в «Новый мир» рассказ, который до этого не приняли в нескольких журналах. Через пять дней получил от Твардовского телеграмму. Помню ее дословно: «РАССКАЗ ПЕЧАТАЕМ БЛИЖАЙШЕМ НОМЕРЕ ФРАЗУ НА БЕРЕГУ РЕКИ МЕНЯЕМ НА БЕРЕГУ ИРТЫША ШЛИТЕ НОВЫЕ РАССКАЗЫ ПРИВЕТОМ ТВАРДОВСКИЙ».

В пятьдесят четвертом году Твардовский предложил мне командировку от «Нового мира» в одну МТС. Потом ему пришлось долго хлопотать, чтобы меня отпустили на месяц с кафедры, которой я тогда заведовал. Твардовский «выбивал» командировку полтора месяца, дошел до министра высшего образования. Наконец в мае я уехал в МТС. А уже в августе очерком «Весной нынешнего года» открывалась очередная книжка «Нового мира».

С тех пор я стал активно работать в литературе.

Твардовский как будто создавал вокруг себя силовое поле. «Соленую Падь» (которая была удостоена Государственной премии) я написал во многом благодаря этому воздействию. Редакция долго меня тормозила — нужен роман. Наконец, когда роман был написан, я приехал в Москву, погрузил в багажник такси четыре экземпляра рукописи и прямо в вокзала, еще не устроившись в гостиницу, поехал в редакцию. Через три дня редакция в составе девяти человек уже обсуждала роман.

— Сергей Павлович, а если представить, что Вы были бы лет на тридцать моложе и начинали сейчас...

— Было бы труднее. В то время мнения высказывались более определенно. Людей в редакциях было меньше, а значили они больше. Работа с принятой вестью оказывалась, как правило, очень незначительной, и уже никогда не была впустую.

Я убежден, что так же, как и у писателя, у редактора должно быть имя. Это гарантия появления хоро-

шее влияние стандарта сказало больше, чем в нашем. У всех «сорокалетних» более или менее одинаковые биографии, опыт. Они все еще недостаточно пользуются той свободой выбора, которая есть у каждого писателя, — свободой выбора тем, образов, интонаций... Критики иногда приводят мои слова: «Надо писать так, как писать не умеешь». Вот этого я бы им и пожелал.

В самом письме нужен элемент риска. Если ощущение этого риска не передается читателю, книга многое теряет.

— Пожалуй, Вы задели проблему, названную Пришвиным «правильное творческое поведение». Из чего еще такое поведение складывается лично для Вас?

— Сам процесс работы я стараюсь разнообразить. Пишу одну вещь, устаю — кладу на рукопись газетную бумагу, сверху чистые листы — начинаю писать другое. Доходит до трех-четырех слов на столе — и каждый для меня отдых.

И еще: в литературе я как-то привык обращаться своими силами. Никогда в жизни никому из писателей не посылал ни одной рукописи. Считаю, что литературное творчество очень индивидуально, поэтому полагаться здесь можно только на себя самого. И сейчас никому, кроме издателей, рукописей не показываю, разве кто-то об этом попросит.

Думаю, что писатель должен как можно меньше «разжевывать». Последнюю вещь я старался построить так, чтобы мне не надо было пояснять текстуально, что произошло в течение тех лет, которые опущены в повествовании.

— Расскажите, пожалуйста, об этой работе.

— Называется она «После бури». В ней семь романов, и только одно действующее лицо проходит через все семь. Надеюсь, что от такого построения появляется возможность сказать больше, чем написано, — читатель догадается, почему и как исчез тот или иной герой. Пушкин говорил, что писатель должен быть догадливым. В особенности, по-моему, он